

Моё. — Рядом сидевший Чи Чао протянул руку и взял этот маленький круглый предмет.

Одноклассник не удержался и спросил: — Что это?

Чи Чао зажал его между пальцами, повертел туда-сюда и ответил: — Пластырь.

Позже одноклассник ушёл, а я, сбитый с толку и уткнувшись лицом в парту, чуть не сломал в руке гелевую ручку, не зная, что делать дальше, и даже не смея взглянуть на Чи Чао.

Ну скажи же хоть что-нибудь! — вопил я про себя.

Вдруг черновик, лежавший между нами, прижала рука Чи Чао. Он написал: «Сначала ничего такого не было, но раз ты так странно себя ведёшь, кажется, тут дело нечисто».

Я действительно был готов сгореть со стыда, но тоже взял ручку и вывел: «Ничего подобного».

Он продолжил: «Вообще-то я уже заметил, что у тебя всегда припасены пластыри. Куда ты их клеишь?»

Я плотно сжал губы. Разум, похоже, выгорел дотла; я поднял на него взгляд и заметил, что он тоже смотрит на меня с крайним любопытством. Глаза его блестели, а на кончике носа выступили капли пота.

Сглотнув слюну, я спросил его: — Что ты дашь мне взамен?

Взамен на мой никому не известный секрет.

Чи Чао понял меня с полуслова. Он тут же выпрямился, окинул взглядом свою парту, а затем пошарил рукой в ящике стола и вытащил оттуда бутылочку свежесжатого апельсинового сока.

Словно преподнося сокровище, он произнёс: — Держи, хватит этого?

Я сдался: одной рукой взял сок и прижал к груди, а другой принялся строчить на черновике: «На грудь, они слишком чувствительные».

Закончив писать, я, казалось, уже задохнулся. Шумная перемена в коридоре отдалилась, и я услышал, как бросаю дерзкую угрозу: — Если проболтаешься, я убью тебя, чтобы замести следы!

Тут же раздался громкий звонок, от которого моё сердце бешено заколотилось, а звон в ушах мгновенно прошёл.

Я увидел, как Чи Чао разорвал черновик и смял его в комок, а сам при этом косился мне на грудь. Мой мозг окончательно помешался: схватив пачку тестовых работ, я залепил ему прямо в лицо и выругался: — Ах! Я выковыряю тебе глаза!

Дойдя в воспоминаниях до этого момента, я невольно расплылся в улыбке.

Во сне всё было совсем иначе: в сновидении я вёл себя дерзко и развязно, да и Чи Чао был не лучше — прямо сорвал с меня одежду, намереваясь сам наклеить пластыри, и в конце концов всё превратилось в какой-то невнятный весёлый сон.

В тени деревьев людское море хранит следы радостей и горестей, любви и ненависти, спуская

двести лет всё зарастёт зелёным мхом, могилы станут свидетелями цветения цветов, к чему же тревожиться из-за краткого мига любви...

Добравшись до пекарни, я покачал головой и с чувством запел: — Как раз-таки тревожусь, даже спустя двести лет продолжаю думать о нём.

Сначала я посидел в одиночестве за кассой. Подошёл посетитель, я пробил чек, после чего принялся за уборку. Разобравшись с чистотой, пересчитал запасы различных ингредиентов: что-то требовалось восполнить, что-то — докупить. В конце концов я снова вернулся за кассу и погрузился в бездумное сидение.

Тили-дон, пришло сообщение от Гу Юй: Завтра работаешь?

Я ответил: Почему нет?

Гу Юй: О, я думал, ты сегодня вечером будешь кувыркаться вверх тормашками и завтра не встанешь.

Как в сердце кольнуло. Смеясь сквозь слёзы, я презрительно хмыкнул и напечатал: [Начинаю резню.jpg] Работаю!

Гу Юй: Тогда, я временно наелся таро, завтра хочу со сладкой фасолью.

Я ответил: [Слушаюсь, маленький предок.jpg].

Гу Юй: Слушай, братец, а что делать с Шэнь Лу?

Эх, вздохнул я, сейчас я и сам понятия не имею, что мне делать, у меня нет настроения возиться с Шэнь Лу. Я опустил засученные рукава, зарылся лицом в ткань и потерялся о нее, донельзя угнетенный.

В семь часов вечера на полке одиноко томился последний пакет цельнозернового тоста, и я по традиции взял его на ужин.

Пересаживаясь с одного автобуса на другой, а потом снова на автобус, я вернулся домой выжатый физически и морально уже в половине девятого. Хэ И давно ушел. Переодеваясь в домашнюю одежду, я надеялся, что его день пройдет хорошо и он не станет похож на своего никчемного брата, чьи радость, гнев, печаль и веселье полностью зависят от чужой воли.

Войдя на кухню, я сначала вымыл руки, разогрел сковороду, плеснул масла и пожарил два яйца с жидким желтком, посыпав их смесью перца с солью. Пока яйца доходили, открыл банку ветчины, нарезал ломтиками и обжарил вместе с ними. Затем закинул тосты в аэрогриль — на минимальной мощности всего на полминуты, чтобы корочка стала хрустящей и рассыпчатой.

Сэндвичи получились простыми и невероятно вкусными. Я сделал сразу два и слопал их прямо на кухне, запивая простой водой.

Пройдясь по квартире, я почувствовал апатию вперемешку с внутренним жаром.

Сделав еще один круг, я закурил сигарету, но не успел докурить и до фильтра, как затушил ее, решив, что мне пора в душ.

Когда я учился в кулинарном училище на кондитера, со мной часто случалось подобное. Я вечно переживал и изводил себя из-за всевозможных конкурсов, но мог лишь попусту нервничать. Преподаватели не раз пытались вразумить меня добрым словом. Все доводы я понимал, всё прекрасно понимал, но совладать с собой был не в силах.

И вот теперь я снова борюсь с липким страхом потерять контроль над тем, чем отчаянно жажду владеть.

Было бы здорово, если бы способ решить эту проблему был так же прост, как покупка пластыря в аптеке. К сожалению, страх отступит и мне станет по-настоящему легче только тогда, когда я действительно получу желаемое и возьму всё под свой контроль. В ванной клубился густой пар.

Вскоре я, мокрый и босой, выбежал наружу, снял с вешалки ту самую рабочую куртку, прижал её к груди и снова бросился в ванную.

Я надел её и, стоя под душем, предавался тайной страсти к самому себе.

Я уже давно не давал выхода своим желаниям, но терпел, желая подольше насладиться этой фантазией. Черт, Чи Чао так сильно изменился! Если вспомнить, как мы сидели за одной партой в старшей школе и я втайне была в него влюблена, я ведь даже воображала себя сверху. Тогда Чи Чао был таким белокожим и красивым, совсем не похожим на сегодняшнего громилу, похожего на пережаренный тост.

Значит, не хочешь добавлять меня в Вичат? Ну ничего, погоди, завтра я тебя в уголь сожгу! Нагрудный карман рабочей куртки застёгивался на металлическую молнию, которая при каждом моём движении задевала грудь — вовсе не холодная, а до чего же возбуждающая. Я ведь сегодня сказал Чи Чао, что они стали не такими чувствительными, и это была не отговорка, а чистая правда: должно быть, яд из слюны секс-демона перестаёт действовать как раз в день окончания моего пубертатного периода.

Добрую половину вечности в ванной стояла такая духота и влажность, что у меня перехватывало дыхание.

Я повернулся, прижавшись спиной к кафельной стене, и раскинул ладони, позволяя струям воды смыть то, от чего мне было невероятно, до безумия хорошо.

Не разрешаешь добавить тебя в Вичат, значит? Я стянул с себя эту насквозь промокшую одежду и, словно одержимый демоном, со злости буркнул себе под нос: ну и жди теперь, эта вещь теперь моя, и не думай, что я её верну.

Осенью небо чистое, погода ясная и прохладная.

<http://bllate.org/book/26014/3114875>